

Русский тоталитарный язык в воспроизведении Андрея Платонова (повесть “Котлован”)

НАТАЛИЯ А. КУПИНА
(Екатеринбург)

Идеологическая доминанта повести

Описание форм и средств речевой борьбы в эпоху тоталитаризма немислимо без изучения языкового опыта Андрея Платонова. Науке еще предстоит осмыслить лингвистическую философию Андрея Платонова. Я лишь попытаюсь выявить содержательную специфику образа тоталитарного языка в тексте повести *Котлован*. Повесть-антиутопия *Котлован* (Платонов 1988), над которой А.Платонов работал с декабря 1929 по апрель 1930 г., была издана журналом “Новый мир” лишь в июне 1987 года. Отечественные интерпретации языка *Котлована* пока не обросли штампами. Текст повести в данной работе рассматривается как некоторое культурно-идеологическое пространство, вмещающее набор официальных идеологем и мифов. Методом сплошной выборки из текста извлечены фрагменты, содержащие ключевые идеологемы и мифы тоталитарного языка. Интуиция языкового гения позволила писателю ощутить механизмы идеологических влияний. В гиперболизированной форме А.Платонову удалось показать действительную экспансию идеологического, проникающего не только в сферу быта, бытового поведения, как это уже было, например, в эпоху декабризма (Лотман 1994: 334), но и в сферы трудовой деятельности, умственной жизни человека и - что особенно важно - в сферу душевной жизни.

Платонов с аналитической точностью фиксирует жизненно важные для человека зоны, пораженные идеологическими императивами, парализующими свободу жизнедеятельности человека и народа в целом. Писатель-философ вскрывает губительную, разрушающую силу языка, поступившего на службу идеологическому монстру. Мощное воздействие слова на поведение людей, а также на образ мыслей, жизни, характер чувствований передается в *Котловане* с помощью лейтмотива директивности. Именно этот лейтмотив становится идеологической доминантой повести.

В *Толковом словаре русского языка* под редакцией Д.Н. Ушакова слово директива получает следующее толкование: "от лат. directio - направление (книжн.). Общее руководящее указание, даваемое высоким органом подчиненному. Выполнить директиву центра" (Т.1: 713). Именно в этом значении данное слово многократно употребляется в тексте *Котлована*.

Лейтмотив директивности поддерживается цепочкой наименований: *директива, требование, указание, наставление, целеустановка, установка* (общий смысл "руководящее указание"); *тенденция, точка зрения, задание, линия, Генеральная линия* (общий смысл "направление"), а также *резолуция, акт, тезис, формулировка, лозунг, возглас, песня, завет, бумажка* (общий смысл "форма передачи директивы").

Лейтмотив директивности прямо отражает реализацию главной функции тоталитарного языка - функции идеологических предписаний. Директива *провозглашается, дается, спускается, появляется*. Употребление этих и других возвратных глаголов сопровождается бессубъектностью синтаксических конструкций. Автор директивы в подобных случаях не указывается. Например:

...но вот спустилась свежая директива < > и в лежащей директиве отмечались маложелательные явления перегибщины, забеговчества, переусердщины и всякого сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии...

Директива всегда *принимается наверху и спускается вниз, в массы, на село*. Опозиция *сверху - вниз* деформирует идеологему и миф о всеобщем равенстве. Более того, тот, кто пропагандирует директиву, всегда оказывается над массами:

- Ну что же! - терпеливо сказал активист сверху. - Н ль вы так и будете стоять между капитализмом и коммунизмом: ведь уже пора тронуться - у нас в районе четырнадцатый пленум идет!

“Верх” постоянно дает, бросает, (с)пускает, провозглашает директивы: [Активист] сидел при непогашенной лампе, слушая, не скачет ли по темной дороге верховой из района, чтоб спустить директиву на село < > Редко проходила ночь, чтобы не подвезлась директива, и до утра изучал ее активист, накапливая к рассвету энтузиазм несокрушимого действия.

Лейтмотив директивности сопровождается модусом долженствования. Массы, низы *обязаны, должны осуществлять, нести, разворачивать, исполнять директивы*. При этом в качестве субъекта директивы осознается *партия, радио* (метонимическое обозначение), *максимальный класс*, а также конкретный человек, уполномоченный руководить массами:

Активист дал знать Чиклину и Вощеву, что директивой товарища Пашкина они должны приурочить все свои скрытые силы на угождение колхозному разворачиванию; Активист еще давно пустил устную директиву о соблюдении санитарности в народной жизни, для чего люди должны все время находиться на улице, а не задыхаться в семейных избах. От этого заседавшему активу было легче наблюдать массы из окна и вести их все время дальше.

Директивы распространяются на все сферы жизни. Их регулярность создает особый, принудительно идеологический тип поведения, характеризующий советскую ментальность (ср.: Гуревич 1989: 454-455).

Директивность предполагает однонаправленность. Идея однонаправленности передается метафорой-идеологемой *линия*:

[Козлов Прушевскому] ...каждый, как говорится, гражданин обязан нести данную ему директиву, а вы свою бросаете вниз и равняетесь на отсталость. Это никуда не годится, я пойду в инстанцию, вы нашу линию портите, вы против темпа и руководства - вот что такое!

“Линия” не терпит отклонений. Платонов активно использует прием оксюморона, с помощью которого передается полное *отсутствие линии в генеральной линии*: *По последним материалам < > значилось в конце директивы, - видно, например, что актив колхоза имени Генеральной Линии уже забежал в левацкое болото правого оппортунизма*. Платонов “подвергает иронии эту чисто языковую «организационную» деятельность”, пародирует язык (Сейфрид 1994: 151). Ироническая интерпретация писателем идеологического противопоставления *левый - правый* основана на семантической двуплановости, отражающей совмещение бытовой и идеологической ситуаций:

На улицу вскочил всадник из района на трепещущем коне:

- Где актив?..

- Скачи прямо!.. Только не сворачивай ни направо, ни налево! - Не буду! - закричал всадник... и только сумка с директивами билась на его бедре.

Писатель высмеивает буквализм в восприятии директивы:

Активист... с жадностью начал писать рапорт о точном исполнении мероприятия по сплошной коллективизации и о ликвидации посредством сплава на плоту кулака как класса; при этом активист не мог поставить после слова "кулака" запятую, так как и в директиве ее не было. Дальше он попросил себе из района новую боевую команду, чтоб местный актив работал бесперебойно и четко чертил дорогу генеральную линию вперед.

Необычное словосочетание (см.: Кожевникова 1990: 164-165) дорогая генеральная линия, отражая совмещение идеологического и душевного (сердечного), переkreщивается с аналогичными сочетаниями в тексте повести:

Козлов прибыл на котлован в автомобиле, которым управлял сам Пашкин. Козлов был одет в светло-серую тройку < > и стал любить пролетарскую массу < > Про себя же любил произносить < > краткие лозунги-песни...; ...Елисей возвратился с котлована и принес Чиклину письмо от Прушевского. < > Чиклин прочитал, что Настя жива и Жачев начал возить ее ежедневно в детский сад, где она полюбила государство и собирает для него утильсырье...

Идеологическая доминанта "Котлована" - основа формирования образа несвободы души. Без души гибнет русский человек. Директивность языка, по Платонову, деформирует человеческое "я", сводит многогранность индивидуальности к "я"-социальному. "Я"-мыслительное оказывается направленным на регулярное воспроизведение идеологических догм. "Я"-душевное страдает под грузом лжи "я"-мыслительного. Это противоречие ярко проявляется в принудительно идеологическом речевом поведении.

Речевой быт в тисках директив

А.Платонов довольно точно воссоздает демагогическую речевую ситуацию, обусловленную директивностью: *из слов обозначаются линии и лозунги*. Авторитетными становятся лишь особые жанры демагогической речи, такие, как, например, *резолуция*. Сакральное отношение к тексту

директивного характера отражает слово *бумажка*, употребляемое в обиходе серьезно, без доли пренебрежительности, в значении “имеющий директивную силу письменный документ, решающий судьбу человека”, например:

В... бумажке было указано, что это обобществленный двор 7 колхоза имени Генеральной Линии и что здесь живет активист общественных работ по выполнению государственных постановлений и любых кампаний, проводимых на селе; Зажиточный... опомнился: - А ты покажь мне бумажку, что ты действительное лицо!

Основная форма директивного общения - императивные предписания. Употребляя получившие в тоталитарном языке распространение положительные конструкции с модальными словами долженствования, А.Платонов наполняет эти конструкции абсурдным содержанием и тем самым разрушает концепт предписательности:

Прушевский сумел... поправить радио, но оттуда послышалась не музыка, а лишь человек. - Слушайте наши сообщения: заготовляйте ивовое корьё!.; Труба радио все время работала, как выюга, а затем еще раз провозгласила, что каждый трудящийся должен помочь скоплению снега на коллективных полях...; Товарищи!.. мы должны... обрезать хвосты и гривы у лошадей! Каждые восемьдесят тысяч лошадей дадут нам тридцать тракторов!

В последнем примере обращает на себя внимание квазиаргумент. В целом же подобные конструкции, соединяющие пафос и гротеск, выявляют несостоятельность демагогических текстов, их авторов и самой демагогии как коммуникативной и деятельностной государственной стратегии.

Платонов монтирует сеть источников идеологических догм, сплетенную из демагогических текстов определенных жанров: *лозунг, завет, акт, резолюция, песня, стих*.

Парадигма наименований демагогических жанров обнаруживает проникновение директивности в речевой обиход (*завет*), публицистику (*лозунг*), деловую сферу (*акт, резолюция*), художественную речь (*стих, песня*). Жанры-перевертыши, как, например, *песня, стих*, выполняют не свойственную им функцию. Но для производителя речи, освоившего основы демагогической риторики, память жанра особой роли не играет: главное - блеснуть идеологической подкованностью. Для этого из текста извлекается операционная единица (*формулировка, слова мудрости* или прецедентные знаки), с помощью которой и осуществляется коммуника-

тивное идеологическое взаимодействие. *Подкованность* - это идеологическая эрудиция, риторический фундамент, обеспечивающий влияние и воздействие речи, причем константой воздействия везде является страх или ожидание страха. Принудительно идеологическое речевое поведение становится нормой, в соответствии с которой критика демагогического предписания - сколь угодно абсурдного - запрещается. Платонов воспроизводит "нестыковку" ситуации и демагогического предписания:

Спустившись с автомобиля, Козлов с видом ума прошел на поприще строительства и стал на краю его, чтобы иметь общий взгляд на весь темп труда. Что касается ближних землекопов, то он сказал им: - Не будьте оппортунистами на практике!

Манипулятивные возможности демагогических высказываний и их сакральность ощущаются даже ребенком. Это особенно остро проявляется в следующем диалоге:

- Ты кто же такая будешь, девочка? - спросил Сафронов. -

Чем у тебя папаша-мамаша занимаются?

- Я никто, - сказала девочка.

- Отчего ж ты никто? Какой-нибудь принцип женского рода угодил тебе, что ты родилась при советской власти?

- А я сама не хотела рожаться, я боялась - мать буржуйкой будет.

- Так как же ты организовалась?

Девочка в стеснении и боязни опустила голову.

- А я знаю, кто главный.

- Кто же? - прислушался Сафронов.

- Главный - Ленин, а второй - Буденный. Когда их не было, а жили одни буржуи, то я и не рожалась, потому что не хотела. А как стал Ленин, так и я стала!

- Ну, девка! - смог проговорить Сафронов. - Сознательная женщина твоя мать. И глубока наша советская власть, раз даже дети, не помня матери, уже чувствуют товарища Ленина.

Реплика Насти "А я знаю, кто главный..." выводит диалог на общую идеологическую платформу, хотя логически эта реплика не связана с репликой-стимулом. Умышленно избегая ответа на вопрос о родителях, Настя демонстрирует идеологическую подкованность с помощью символично-заклинательного высказывания, опознавательного знака "я" - социального, маркирующего девочку как "свою", "надежную", как *сознательницу*.

“Оборванный”, рваный текст становится нормой диалогического взаимодействия. Немотивированное идеологическое переключение темы используется не только как уловка, но и как средство создания иллюзии динамики догмы. При этом безусловный риторический эффект обеспечивает употребление в речи идеологем-святынь, обращение к которым объединяет людей в особую “тоталитарную секту”.

Коммуникативная рамка обыденной речи идеологизируется. Партнеры общения оцениваются с точки зрения политической благонадежности, преданности идее. Естественные демографические признаки (пол, возраст) подавляются. В то же время происхождение - основанный на идеологии классовости паспортный параметр - существенно влияет на характер коммуникативного взаимодействия и заносится на шкалу благонадежности/неблагонадежности.

Директивные прецедентные тексты, в том числе и такие, которые построены на идеологии социального происхождения, тиражируются и входят в речевой обиход в качестве обыденных высказываний. Особенно жутко звучат подобные высказывания в детской речи, наглядно демонстрируя, как идеология убивает детство, отчуждает его от нормальных жизненных ценностей:

Настя писала Чиклину: “Ликвидируй кулака как класс. Да здравствует Ленин, Козлов и Сафронов! Привет бедному колхозу, а кулакам нет.”

Принудительно идеологическое речевое поведение не только стереотипизируется, но и наследуется:

[Чиклин] - Ты кончился, Сафронов! Ну и что ж? Все равно я ведь остался, буду теперь, как ты; стану умнее, начну выступать с точкой зрения, увижу всю твою тенденцию, ты вполне можешь не существовать...

Для Платонова очевидна стратегическая заданность директивного пафоса: “безавторность”, безличность директив, мнений, призывов позволяет практически любому изворотливому демагогу занять руководящую позицию, уничтожить доверчивого, чувствующего, сомневающегося, мыслящего человека.

Лейтмотив директивности пересекается с мотивом ликования. Ликующий персонаж Платонова издает *возгласы-лозунги*, идущие от сердца, - нелепые и часто не соответствующие ситуации идеологические суррогаты простых человеческих чувств. Например:

...пассивные мужики кричали возгласы довольства; - Эх!.. - жалобно произнес кузнец. - Гляжу на детей, а самому так и хочется крикнуть: "Да здравствует Первое мая!"

Торжеству, ликованию, безмерной радости, с которой воспринимаются директивы человеком толпы ("я"- социальным), Платонов противопоставляет естественное чувство стыда, которое в это же время испытывает человек "сомневающийся" ("я"-мыслящее и "я"-душевное):

Сафронов слушал [репродуктор] и торжествовал, жалея лишь, что он не может говорить обратно в трубу, дабы там слышно было об его чувстве активности, готовности на стрижку лошадей и о счастье. Жачеву же, и наравне с ним Вощеву, становилось беспричинно стыдно от долгих речей по радио; им ничего не казалось против говорящего и наставляющего, а только все более ощущался личный позор.

Жесткость и четкость формулировок, их однонаправленность и однолинейность сочетаются с двусмысленностью, которой также манипулирует демагог:

Сафронов знал, что социализм - это дело научное, и произносил слова так же логично и научно, давая им для прочности два смысла - основной и запасной, как всякому материалу.

Двойной смысл - свидетельство лживости тоталитарных установок, составляющих основу принудительно идеологического поведения.

Лейтмотив директивности как бы задает, обуславливает мотив доносительства. Донос возводится в нравственную норму и используется как средство идеологического давления и угрозы:

- Ты, как говорится, лучше молчи! - сказал Козлов. - А то живо на заметку попадешь! < > Мы знаем, кто коллективизацию хотел ослабить! Мы знаем, какой ты четкий!

Элементы взять на заметку, метить, сопровождать, писать на..., указать на... объединяются смыслом "сделать донос на идеологически чуждого человека".

Речевой быт становится полем выявления идеологической благонадежности. Межличностное общение деформируется. Каждый диалог как бы спроектирован на публичное восприятие, требующее верности идеологическим догмам. Демагогический текст используется как основная операционная единица устной и письменной речи. Принудительно идеологиче-

ское речевое поведение оказывается разрушительным для “я”-мыслительного, “я”- душевного и гармонии речевого бытия.

Действие, цель, предназначение и общие особенности языка повести

В повести *Котлован* развивается действие разрушения, находящееся в полном соответствии с жанром антиутопии. Метафора *великое рытье* поддерживается парадигматически: *рыть, разрыть, рытье, бурить, бурение, уничтожить, уничтожение, громить, сечь, разверзать, крошить, копать, раскопать...*

Созидание *общего дома* пролетариата наталкивается на время, которое, как и в базисном сверхтексте идеологем, причинно связано с разрушением - уничтожением. Движение вверх, к свету, замедляется беспрерывным движением вниз, к пустоте и темноте:

Теперь надо еще шире и глубже рыть котлован...; < > все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована...

Котлован, ограда, огород, овраг - все эти метафоры, объединенные смыслом “укрытие”, вызывают “неявленное лексически представление о «могиле»” (Колесов 1995). Так перекрещиваются концепты действия и смерти.

Концепт действия стремится к концепту цели. Смысл “цель” в русском языке выражается вопросительным предложением со словом *зачем* (Крейдлин 1992: 27). Ключевой вопрос *Котлована* заключен в границы именно такой конструкции: *Зачем нам нужен общий дом пролетариату, который вы начнете строить...* Цель предполагает осмысленное действие. Однако осмысление происходящего директивно запрещается: [Вощеву] *в увольнительном документе... написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда.* Сафронов пеняет Вощеву: *Ты, наверно, интеллигенция - той лишь бы посидеть и подумать.* Пролетариату директивно, сверху приказано рыть, крушить, раскулачивать, не задумываясь над вопросом “зачем?”

Как отмечает Г.Е.Крейдлин, предложения со словами для чего в русском языке воплощают “предназначение”:

[Сафронов] - Пролетариат живет для энтузиазма труда, товарищ Воцев! Пора бы тебе получить эту тенденцию. У каждого члена Союза от этого лозунга должно тело гореть!.

(Ср. синонимическую с концептуальной точки зрения конструкцию: *Мы ведь не животные, мы можем жить ради энтузиазма*). Именно концепт предназначения является ключевым в антиутопии А.Платонова. "Предназначение близко к таким понятиям, как «смысл существования», «цель бытия»" (Крейдлин 1992: 27): *Пока я был бессознательным, я жил ручным трудом, а потом - не увидел значения жизни и ослаб...*

Концепт предназначения развивается с помощью метафорзагадок *вещество, тело (вещество существования, вещество жизни, память вещества, полезное тело)* и др. Предназначение связано с модусом долженствования:

...пролетариат живет один в этой скучной пустоте и обязан за всех выдумать и сделать вручную вещество долгой жизни; Мы должны бросить каждого в рассол социализма, чтобы с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!..

Предназначение воспринимается героями Платонова как религиозная заповедь, а сам Платонов скорее всего говорит об особой миссии русского народа, избранного высшими силами для нечеловечески тяжелого испытания. Оппозиция цели и предназначения отражает борьбу человека с судьбой, а в жанровом аспекте утопия и антиутопия сосуществуют в одном тексте. Платонов "видит разом и ослепительную мечту, и ее обреченность в реальной жизни" (Аннинский 1989: 9).

Котлован - пародия на русский тоталитарный язык периода его расцвета, на принудительно идеологическое речевое поведение, на идеологическую топорность жанра и стиля. Это пародия, основанная на сгущении речевых средств, выражающих идеологические концепты.

На уровне отбора элементов язык *Котлована* можно охарактеризовать как идеологически концентрированный: отбираются ключевые слова-идеологемы; устойчивые словосочетания-идеологемы тоталитарного языка; прецедентные демагогические тексты; мифы советского времени, прежде всего миф о коммунистическом будущем. В тексте повести воспроизводятся ценностные объекты нового ментального мира: категории пространства и времени моделируются по аналогии с базовым сверткестом идеологем

(см.: Купина 1995). Насильственное формирование единого “я”-социального, по Платонову, губительно для “я”-мыслительного и “я”-душевного.

Реализация идеологически наполненных средств языка обеспечивает реалистическое воспроизведение демагогической речевой ситуации, в которой осуществляется принципиальное воздействие новых норм принудительно идеологического речевого поведения на человека, социальные группы и общество в целом. Прием стилизации апологетики демагогических клише, вскрывающий разрушительное влияние тоталитарной системы на личность, опирается и на “инстинктивное понимание” Платоновым “коренных принципов риторики соцреализма”, на неприятие писателем соцреалистической эстетики” (Сейфрид 1994: 154).

На уровне авторского использования элементов язык *Котлована* можно охарактеризовать как пародию высокого типа, не погруженную в смеховое. Стиль повести создается на базе соединения высокого и низкого, серьезного и иронического, пафоса и гротеска. Это не приводит к комическому эффекту, как, например, в произведениях М.Зощенко. Концепт предназначения словно “удерживает” пафос. Последний не разрушается ни гротеском, ни абсурдом, ни оксюмороном - конструктивным приемом, использование которого доведено автором до совершенства. Платонов активно использует разные способы формальной, семантической и, следовательно, идеологической деформации нормативных структур демагогической риторики. Окказионализмы и потенциальные слова типа сознательница, разактивиться также выполняют функцию деформации официальных идеологем и мифов. Аналогична функция лексически и грамматически смещенной сочетаемости как своего рода нормы текста. Смещенная сочетаемость обуславливает столь характерный для стиля Платонова эффект неожиданности. Язык *Котлована* воспроизводит “интенсивные языковые переживания” и связанные с ними “сильные изменения в социальной жизни” (Селищев 1928: 12).

Оперируя идеологическими концептами, составляющими ценности традиционного ментального мира и нового ментального мира, Платонов показывает, как новые концепты вбирают в себя традиционные, замещают последние. Субституция - семантико-идеологический процесс, выявленный Платоновым и воплощенный им в художественной форме. Новые идеологемы, заключенные в слова и демагогические тексты, как показывает писатель, обретают социальный смысл и во многом определяют поведение человека и его судьбу в тоталитарном обществе.

Текстовой источник:

Платонов А., 1988, *Котлован. - Ювенильное море: Повести. Роман*, Москва.

Литература

Аннинский Л., 1989, *Откровение и сокровение. - Литературное обозрение*, N 9.

Гуревич А., 1989, *Ментальность. - Опыт словаря нового мышления*, Москва.

Лотман Ю.М., 1994, *Лекции по структурной поэтике. - Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*, Москва.

Кожевникова Н.А., 1990, *Слово в прозе А.Платонова. - Язык: Система и подсистемы. К 70-летию М.В.Панова*, Москва.

Колесов В.В., 1995, *Ментальные характеристики русского слова. - Язык и этнический менталитет*, Петрозаводск.

Крейдлин Г.Е., 1992, *К проблеме языкового анализа концептов "Цель" VS. "Предназначение". - Логический анализ языка*, Москва.

Купина Н.А., 1995, *Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции*, Екатеринбург-Пермь.

Сейфрид Т., 1994, *Платонов как прото-соцреалист. - "Страна философов" Андрея Платонова: проблемы творчества. По материалам первой Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.П.Платонова*, Москва.

Селищев А., 1928, *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет*, Москва.

Толковый словарь русского языка, 1988, под ред. проф. Д.Н.Ушакова, в 4 т., Москва.

Russian Totalitarian Language Rendered by Andrey Platonov (the Story "Foundation Area")

The author shows meaningful specific character of the totalitarian linguistic image in the antiutopian story *Foundation area (Kotlovan)*. On the background of ideological dominating idea of the text the system of speech genre reproduced by the writer is described. Besides the prevailing type of speech behaviour becomes evident. Peculiarities of ideological concepts of action, aim, destination are also characterized there.